

ДНЕВНИКИ С. И. ВАВИЛОВА. 1909–1951

От редакции

Эти дневники — более тридцати тетрадей и блокнотов, — написанные незабываемым вавиловским почерком, содержат бесценный и поучительный материал. Почти каждый день на протяжении всей своей жизни Сергей Иванович Вавилов доверял бумаге свои мысли и впечатления, описывал события и переживания, наблюдения и факты. Не все дневники сохранились до наших дней, часть из них утрачена, но и те, что сохранились, до сих пор никто не читал и даже не видел — за исключением ближайших родственников. Долгие годы сын ученого Виктор Сергеевич и его жена Валерия Васильевна не могли решиться, чтобы сделать достоянием гласности внутренний монолог ученого, не предназначившийся для широкого круга. Мы благодарны Юрию Ивановичу Кривоносову, убедившему принять это решение — скоро дневники Вавилова, будут изданы отдельной книгой. А пока над ней идет работа, ВИЕТ начинает знакомить своих читателей с некоторыми фрагментами дневников в том виде, в каком близкие ему люди сочли возможным передать их редакции.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ

Памяти Виктора Сергеевича Вавилова

Со дня рождения Сергея Ивановича Вавилова прошло уже более ста лет, и чем больше мы узнаем о нем, тем выше ценим то, что он сделал как ученый и общественный деятель. О его многогранном научном творчестве написано много, и мы скажем лишь одно: он стал основателем отечественной школы физической оптики и в этом качестве возглавил работы по открытию и исследованию нового типа излучения. Главные участники этих работ, кроме него самого, получили Нобелевскую премию. К сожалению, решение о ее присуждении было принято уже после его кончины. Но не менее значительную роль он сыграл как организатор науки в тяжелую для нашей страны пору — после Великой Отечественной войны. Будучи президентом АН СССР, он принимал активное участие в создании институтов, в послевоенном возрождении Академии наук, в организации общества «Знание».

Близкие С. И. Вавилову люди бережно сохранили память о нем и многолетние воспоминания, дневники, по которым можно проследить его становление как гражданина, ученого, как одного из лучших представителей науки, известного у себя на родине и за рубежом. Эта летопись жизни, научной и общественной деятельности С. И. Вавилова положена в основу книги, которая сейчас готовится к изданию и которая станет неотъемлемой частью летописи XX века.

Размышления С. И. Вавилова, записанные им самим, отражают его стремление к глубокому разностороннему образованию. Наряду с приобретенными знаниями и научным опытом, он обладал энергией, широким умом и одаренностью от природы, что сродни русскому самородку. Они богаты цитатами из произведений классиков литературы, здесь же С. И. Вавилов записывал собственные стихи, а также цитировал воспоминания своих коллег и приводил выдержки о себе из книги о Московском коммерческом училище. Они дают богатый материал о жизни самого Сергея Ивановича, его отца Ивана Ильича и матери Александры Михайловны. Первый сохранившийся дневник относится к 1909 г., когда 18-летний С. И. Вавилов заканчивал Коммерческое училище. Четырьмя годами раньше это училище закончил его брат — Н. И. Вавилов. Последний дневник написан в 1951 г. — в год смерти. На протяжении всего этого периода почерк С. И. Вавилова сильно менялся — от полудетского до очень четкого и определенного уже к окончанию Московского университета. А к 1950 г. он стал просто каллиграфическим.

Дневники расшифрованы и подготовлены к печати В. В. Вавиловой с разрешения д-ра физико-математических наук В. С. Вавилова. За время их написания заметно менялись правила орфографии, поэтому все они приводятся в отредактированном виде. Вставки на иностранных языках — немецком, французском, английском и на латыни — также переве-

дены на русский. Все переводы и редакция текстов сделаны Виктором Сергеевичем Вавиловым. В квадратных скобках и под строкой пояснения публикатора. Дневниковые записи С. И. Вавилова публикуются впервые.

В архивах семьи Вавиловых сохранились также воспоминания жены С. И. Вавилова — Ольги Михайловны, переписка с коллегами по работе и большое количество фотографий разных лет. Все эти документы еще ждут своей публикации.

В. В. Вавилова

С. И. ВАВИЛОВ: «У МЕНЯ ТАЛАНТ СОМНЕВАТЬСЯ В ТОМ, В ЧЕМ СОВЕРШЕННО НЕЛЬЗЯ СОМНЕВАТЬСЯ»

(Из дневников 1909–1916 гг.)

12 января 1909 г.

Вчера и сегодня — праздники, гуляли. Вчера был на «Аиде», читал [С. К.] Маковского¹, Чуковского, Мережковского. В самом деле вот уже три года, как я более или менее сильно занимаюсь этими вопросами и думаю о сущности искусства, но, увы, плоды пока ничтожные. Конечно, не прав был я раньше, отрицая искусство, искусство столь же для человека нужно, как пища, искусство — духовная пища человека.

13 января 1909 г.

Обдумывал сегодня сочинение «О Ревизоре». Кажется, наиболее характерная черта всех героев комедии — отсутствие всякого понятия. Интересно, Гоголь выводит не крестьян, не купцов, а чиновников, которые знают только себя, а в результате нет общества. Никогда общества у нас не было, а было лишь стадо с грубыми пастухами.

[...]

12 марта 1909 г.

Сегодня как ни как, а день рождения,
Пусть будет мне подарок — награждение:
Прожить за сотню лет,
Пока же... Университет.

[...]

16 апреля 1909 г.

Школа была для меня жизнью, не образованием, не воспитанием, а жизнью. Жизнь искусственная, особая, но все же жизнь. Входил в жизнь.

[...]

¹ Сергей Константинович Маковский (1877–1962) — поэт, художественный критик, организатор художественных выставок. Сын художника Константина Маковского. В 1909 г. основал журнал «Аполлон», задача которого заключалась в том, чтобы сплотить все художественные силы «вокруг алтарей стиля и гармонии».

17 июля 1909 г.

Все о том же, о том, что никто на свете не знает, что такое я, да я и сам не знаю. Ну вот пишу я сейчас дневник, читал сегодня Достоевского, переводил с немецкого, стараюсь сохранять все приличия, каковые общество требует, чищу ногти и прю, думаю, философствую, разрешаю проблемы, все что культурному человеку полагается, но разве это я? Что же такое я? Это мне неизвестно. Выше самого себя не будешь или я просто еще не знаю, что же такое я.

Взял сейчас расписание университетских лекций, за которые примусь первого сентября, и почувствовал, как на бушующиеся волны льет примирительный елей — дух науки, та область упорядоченности, в которую я думаю наконец попаду.

[...]

21 марта 1910 г.

Я недоволен собою, я недоволен собою вообще, быть может, иногда минутами, при достижении микроскопических целей, решения задачки, перевода странички с немецкого, я бываю доволен, но всем вообще быть довольным нет никакого основания. Этот учебный год раскрыл мне глаза на многое, чего я раньше не знал и не подозревал. Надо надеяться на усиление работы. Буду надеяться только тогда, когда что-нибудь произойдет, а пока буду просто работать. «Плыви, мой челн, по воле волн».

[...]

20 апреля 1910 г.

Прочел шестой раз «Войну и мир». Толстого я могу назвать великим. Пушкиным, Достоевским я доволен, а Толстого читаю 6 раз и еще буду читать. Одолею всю математику. За последнее время я в себе вижу новые черты. У меня появилось хорошее отвращение ко всяким Кантам, Авенариусам, Махам, Мережковским и пр. В области духовной меня волнует наука и искусство.

[...]

16 июня 1910 г.

Сегодня уезжаю в Германию и Италию. Хочу поехать не с пустым сердцем, хочу пощупать руками историю, искусство жизни.

[...]

27 июля 1910 г.

Вот я в Москве: минувшее проходит предо мною...

Давно ль оно неслось, событий полно...

Теперь оно бесслвно и спокойно.

Я устал от этого путешествия и теперь, очутившись в Москве, за своим столом, со своими книгами, в своей кровати, я наслаждаюсь и отдыхаю.

[...]

15 августа 1910 г.

Скоро месяц, как я приехал, но мысли мои в путешествии. Сны переносят меня куда-нибудь во Флоренцию или Мюнхен, облик каждого города выступает реально. В этом отношении я доволен, за граница произвела на меня громадное впечатление. Приближается сентябрь с экзаменами, а главное — с новыми занятиями. Нынешний год у меня должен быть чрезвычайно важным — я должен сделаться физиком, до сих пор я им не был. Мне нужно будет читать, столько читать, а главное — переводить, что прямо голова кружится.

[...]

12 марта 1911 г.

Вчера мне исполнилось 20 лет. Треть жизни по крайней мере прожита. До поставленной мною задачи — «ученого» — в эти 20 лет я еще далеко не достиг, все еще в тумане, и иногда берут даже сомнения, достигну ли когда-нибудь. Последние два года я несомненно поворачиваю, и даже довольно круто, кривую моей жизни. В сущности я всегда был частью поэтом, мечтателем или ученым, философом. Это я помню отлично. Теперь задача в том, чтобы сделаться ученым всецело. Этот и будущий год для меня многое решит. Может очень многое преобразиться. Настроен я сейчас пессимистически, но стараюсь самому себе не верить.

[...]

5 июня 1911 г.

Я сейчас нахожусь в среде, где поминутно слышу фразы об оставлении при Университете, о профессорах и пр. Я знаю только, что без науки мне одна дорога либо в литературу, либо в Ад. Как бы хорошо сейчас освободиться от лишнего груза 20 лет бытия и оставить только физику. Я чувствую, что сделать мне едва ли по силам, я отдаюсь течению, куда оно меня вынесет.

[...]

20 июня 1911 г.

Куда вот оно и вынесло, я еду за границу на 3 недели: для чего, никто не знает, подул ветер, и я полетел. А у меня только начало налаживаться с физикой. Посмотрим.

[...]

1 марта 1912 г.

Лебедев умер.

Смертный, силе нас гнетущей, покоряйся и терпи,
Спящий с гробе мирно спи, жизнью пользуйся живущий

(Шиллер)

Ужас на сердце, тоска и тайна смерти перед глазами. Вот он вытянувшись, спокойно, в своей черной бархатной тужурке и в туфлях. Где же душа, душа великого физика.

Он лежал без движения, как будто по тяжелой работе, руки свои опустив.

Смерть, ладан, свечи и физик среди этого. О насмешка и ужас! Нет ужаса ужаснее смерти ученого и поэта.

[...]

27 мая 1912 г.

Мой характер похож на характер героев Достоевского: почему у меня такой характер? Мне кажется, что во мне больше поэта, чем научного характера. У меня талант сомневаться в том, в чем совершенно нельзя сомневаться. Я уезжаю в третий раз за границу. Посмотрим, что я там увижу. Мои экзамены я сдал не очень здорово, но достаточно хорошо, и почитаю на лаврах.

[...]

9 февраля 1913 г.

Дом наш опустел, Николай отъезжает, Лидия Ивановна стала мадам Макарова, А.И. уехала². Отца редко видно. Я с матерью остался. Тишина и одиночество. Во всяком одиночестве есть доля скуки, печали и благородства. «Ты царь, живи один». Быть одним — это высшее благородство и высшая печаль. У меня друзей кроме книг нет. По себе я человека не нахожу, думаю, найдется.

[...]

8 января 1914 г.

Ну, Господи, благослови, начинаю 1914 год.

Я настолько занят и делом и чепухой, что не хватает времени записывать сюда. А записывать есть что. Вот например, 1-го же января, как некий «дух лукавый», являлся ко мне в лабораторию П. П. Лазарев и делал довольно прозрачные намеки насчет того, что не желаю ли я остаться при Университете? Если говорить о моей душе, то я не был против. Я все более и более склоняюсь к тому, чтобы быть профессиональным физиком, но не дилетантом. Не было стыдно и отказаться. Работаю я сейчас на всех парах, часов по 5 в лаборатории, а затем часа 4 подсчитываю результаты. Но работа меня не очень успокаивает, как в случае с Гей-Люссаком, так и с П.П. Кроме работы почти ничем не занимаюсь, все время на нее убиваю. Никаких новшеств с новым годом и все по той причине. «Быть занятым, но не терять свободу». Был на «Травиате», на выставке, вот, кажется, и все.

[...]

12 марта 1914 г.

Было время — меня не было, будет время — меня не будет. Мне сегодня 23 года, любопытно было бы погадать хоть на кофейной гуще о будущем, по-

² Вавилов Николай Иванович (1887–1943) — старший брат; Вавиловы Лидия Ивановна и Александра Ивановна — сестры С. И. Вавилова.

тому что, когда это будущее станет настоящим, едва ли оно будет интересным. Вот в 1909 г. 12 марта мечтал я об Университете. Мечта исполнилась, я его собираюсь кончать. Но, Боже мой, как это пусто и глупо. «Сердце будущим живет, что пройдет, то будет мило». Мораль же всего этого такова, нет оснований плакать.

[...]

29 марта 1914 г.

Еду представляться к командиру. Получается что-то кисло-сладкое. Старицы — захоlustье. Туда я собственно двигаю.

[...]

28 мая 1914 г.

Конец. Сдал сегодня на «удовлетворительно» астрономию и почил на лаврах. Стою на обрыве. Положим, если я буду служить, 1,5 года пройдут, ну, а дальше? Дороги для меня другой, кроме научной, нет. Сегодня я, конечно, просто физически радуюсь, но на самом-то деле ведь сегодня у меня нет «науки». Главное, искать точки опоры. Осталось максимум жить 50 лет, минимум, быть может, — очень немного. Подумаю, отдохну и приведуся в порядок. Устал я. Да и надо бы написать хоть два слова об Университете.

[...]

16 июня 1914 г.

Был медицинский осмотр, и теперь я новобранец. Осматривали почти как лошадей, в чем мать родила, пятки, зубы и по весу во мне нашли 4п 15,5 ф, росту 2 ар 8,3 в, в груди 20,7. Эти все мои «лошадиные» статьи, записываю их для памяти. Я, впрочем, против «лошадности» ничего не имею. Я знаю, что я очень и очень мало «лошадь». Мускулы слабы, без них жить не могу, но немножко «олошадиться» полезно. Кстати, о книжках, книжках старых, о новых не говорю, слишком они не книжны, «авторами» пахнет. Вот о старых. Если бы не было книг — жить бы почти не стоило бы. Книга лучше музыки, живописи, любви и вообще жизни. Я покупаю книги без удержу, иногда даже страшно становится и грустно. Вот умрешь, и половина твоих книг окажется тобой не прочтена. Но все же покупаю. Ненавижу я пухлые современные книги «для любителей», книжки только для глаз. Это уже не книжки. Вообще собирать стоит только книги и иногда картины. Приеду в Старицы, свободных будет 5 часов в день. Буду заниматься физикой, а на сон грядущий читать романы. Завел себе толстые тетради. Дней 8 могу гулять. Почитаю Казанову, а потом... Что там ждет, не знаю.

[...]

28 июля 1914 г.

Завтра ровно месяц, как началось для меня совершенно новое, неожиданное и трагическое, о чем я никогда не думал. Я не только солдат, но я иду на войну — в том в сущности и все, но как тут много. Начну с того, что перед отъездом я это предчувствовал. Сбросил штиблеты, надел сапоги, было тяже-

ло расстаться с книгами и физикой. Впрочем, в моем чемодане Казанова, фотохимия. Коллеги-воины — на $\frac{3}{4}$ нудные люди. В лагерь ехал с подпоручиком Дурасовым.

29 июля 1914 г.

Для чего хотелось бы жить после войны — это видеть ее результаты. Даже наука, даже физика будет иная. Хотя бы одним глазком посмотреть.

Смерть на войне, какая угодно, трусливая и позорная — высший предел человеческого героизма. Люди живут, родят для сохранения самих себя. Герои живут и умирают за других.

30 июля 1914 г.

Завтра идем, куда — не знаю. Учусь азбуке Морзе.

[...]

1 августа 1914 г.

Еду на войну. Пишу в поезде около Смоленска. Кругом офицеры. Я к работе физической не способен. Куда меня кинут, не знаю. Медленно ползет громада эшелона к Бресту. Держим путь на Холм. Австрийцы в верстах 40. Часа 2 постояли, купили снеди, поехали дальше. О войне знаю мало.

[...]

16 августа 1914 г.

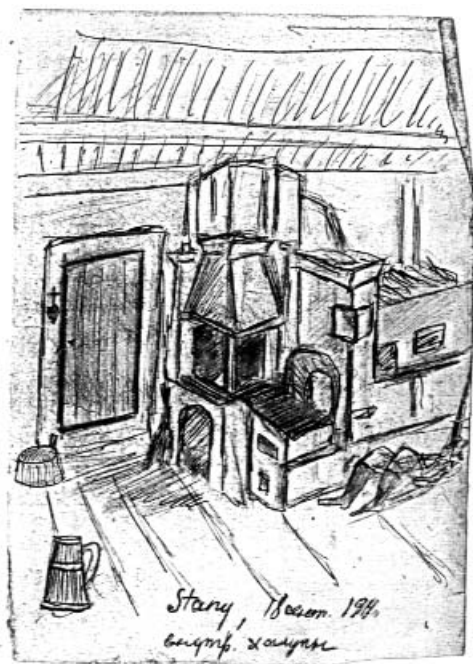
Утомительно отступать, но отдохнули, умылись, потом двинулись дальше. О пленных, их философии как-нибудь в другой раз. Сегодня хорошие вести, австрийцев из Замостья вышибли, движемся вперед, куда

да — не знаю. В 14.00 привал, сейчас выступает кавалерия, тронулся и наш батальон. Теперь мы стоим в тылу. Опять Пушкин:

Как пахарь, битва отдыхает,
Кой-где гарцуют казаки.
Ровняясь, строятся полки.

Вновь загромыхали пушки.

[...]

«Печка в нашей халупе целое сооружение: тут и русская печь, и плита, и выемки для сушки зерна, и лежанка, и выемка для лампы с «нафтой», чтобы не коптила. Ни одному инженеру так ловко и уютно не придумать»

10 сентября 1914 г.

Квартируем в той же оставленной халупе. Как-то на днях в «Киевлянине» [прочел], что из Антверпена вывозят творения Рубенса. Какой-то союз обратился к австрийцам, летающим над Парижем, с мольбой сохрानить произведения искусства. Сегодня иду по лесу, увидел свою тень с фуражкой, с винтовкой, и странно стало, да что это за маскарад? Словно попом или кучером одели. А в сущности, как это я — солдат?
[...]

6 декабря 1914 г.

Начинаю понимать главные диссонансы, из которых вытекает все мое теперешнее трагедийное состояние. Прежде всего я попал «в народ». Вот эти строевые, обозные, с которыми сижу сейчас в халупе, народ симпатичный, часто грубый. Остались мои книги в Москве и я «сам». Теперь я без книг и без «себя».

Исковеркано все существование. Ужас переходит в постоянное недомогание. Грязь, скука, скука войны, тоска по дому, по матери, по физике, по Москве, по всему хорошему. А дальше я совсем не солдат, ни телом, ни душой. Итак, вот почти все. Я — рыба, извлеченная из воды.
[...]

6 января 1915 г., Кельцы

Получил сегодня из дома посылочку с 2 №№ [?], какая прелесть. Начал читать, а потом перенесся на Пресню. О войне почти ни слова. Так ей и надо. Италия по-прежнему страна чудес, там живет душа Галилея. Рим, как все просто, красиво. Ну а тут все то же. Вчера ночь. Летал аэроплан. Они враги, но в большем я их упрекнуть не могу. Германия — страна необыкновенной красоты, культуры. Они враги государства, а лично мне нет. Тоскливо здесь. Читаю французские научные журналы. На верхнем этаже звуки рояля. Вдруг вспомнил Лиду. Бедная Лида, милая Лида! ³ От ужаса войны меня спасает только наука. О чем прошу Бога? Прежде всего о научном вдохновении. Боже, если бы оно было, если появилась та петелька, за которую бы зацепился крючок моих физических знаний и фантазий, — я бы забыл все и был счаст-

³ Лидия Ивановна Вавилова умерла во время эпидемии, находясь в экспедиции.

45 Сергей Иванович
Вавиловъ

25 января 1915 г.

"The time is out of joints"
Kamlet

"Мой чертёж леу я. Свободен
Моим духом издалась
не все-ли одно? И ты не жалеешь
Судьбы, как ты роковая ты судьба
За все я правлю диллодафедь;
Убога счастье не проку
И много это пережить"

Периодическая
?

1 января 1915 г.

Кельцы

Титульный лист одной из тетрадей
дневников 1915 г.

лив. Недурно бы наконец выйти из своего промежуточного военного положения. Маскарад, конечно, останется по-прежнему маскарадом.
[...]

[март 1915 г., Кельцы]

Посвящение

Давно, давно прочел я в первый раз
Великой книги вещия страницы,
То был сухой, небрежный пересказ
С поблекшими гравюрами Зейдлица,
Где дух творения почти угас.

Меня смущал строй непонятных слов
И лабиринт несвязных приключений.
Не понял я таинственных основ,
Не прозревал тебя безмерный гений
И был хулить великое готов.

Но годы шли упрямой чередой,
Я многое забыл и много бросил,
Лишь Фауст, ты был верный спутник мой,
И без тебя я, как ладья без весел,
Весь мир грозит нежданною бедой.

Заветный том везде теперь со мной,
Как библии священные скрижали,
Люблю его читать порой ночной,
Когда все стоны жизни замолчали
И наступает царственный покой.

Но странных чар постигнуть я не мог,
Меня к поэме чудной приковавших.
Твой Фауст, Гете, — хилый полубог,
На жизнь познание дерзко променявший,
Был не понятен, чужд мне и далек.

Преданье полюбил я с давних пор
О Фаусте ученом, в мрачной келье
Вступающем с чертями в разговор,
На Мефистофеле — то адское ущелье,
То звездный прорезающий простор.

Мой Фауст был суровый, мудрый маг,
Средь фолиантов и тиши лабораторий
Изведавший Вселенной свет и мрак,
Науки путь оставивший просторный
И сделавший в неведомое шаг.

Мой Фауст был познанья раб и жрец,
 А дьявол лишь орудие познанья.
 Печален Фауста трагический конец,
 Но он небес получит оправданье
 И мученика солнечный венец.

Мечтатель твой — тоскующий поэт,
 Скучающий и ждущий наслаждений,
 Освободив его от уз прожитых лет,
 Его ты бросишь в хаос приключений,
 И для него погас науки вечный свет.

Но я твою поэму полюбил,
 Задумчивость ея, дыханье тайны
 И буйную игру стихийных сил,
 Где неизбежно все и все случайно.
 В мгновении ты вечность отразил.

Я полюбил напев твоих стихов
 И мудрости алмазные кристаллы,
 И Фауста вновь перечитывать готов
 Всю жизнь мою, как библию сначала,
 Как откровение — он вечно нов.

Гремит над миром бурная гроза,
 Но диким смерчем в бурю вовлеченный,
 К тебе, как прежде, устремил глаза,
 В тоске стою коленопреклоненный,
 И катится печальная слеза ⁴.

[...]

25 июня 1915 г.

На Руси сейчас гения нет, нет Петра, Россия, проснувшаяся Россия, готовится к новому, чудесному, сверх естественному, как жалки сейчас эти Меньшиковы. России нужен гений ума и воли, дела и слова!

У меня кроме «Фауста» лежат еще «Драматические сцены» Пушкина. Я их прочитал вчера на сон грядущий. Фигура Гете грандиозна, Пушкин — человек, но удельный вес Моцарта у него куда выше, чем у Гете. Я сейчас вспоминаю о Михайловском, о Сороти, Святогорске и могиле Пушкина.

⁴ По свидетельству родственников, «Фауст» Гете был любимым произведением С. И. Вавилова, он читал его в подлиннике, с томиком «Фауста» не расставался, и в течение всей жизни собирал различные издания этой поэмы. Рядом с публикуемыми стихами в дневнике имеются наброски размышлений о книге: «...трагедия Ф[ауста] — трагедия самого G[oethe]. Истинная трагедия о Ф[аусте] должна быть трагедией ученого и отчасти и трагедией науки...»

1 июля 1915 г., г. Лисов

Начинается новое полугодие. У меня есть предчувствие и надежда, что волна войны не перекатит за рубеж. Война будет победной, и в моей личной жизни взойдет закатившееся тихое комнатное солнце. Война закрутила меня своим смерчем, а передо мной физика — и это гетевское.

Для меня невысказано, в машине войны я, правда, какая-то гайка, но почти забываю об этом. Мой факел еле теплится, вокруг меня море огня. [...]

30 сентября 1915 г., Торелец

У меня нет ненависти к немцам, но Россия — без нее меня нет. Война все-таки чужое, и я все-таки хладнокровен. В этом и вся трагедия моей неподвижности и неизменности. [...]

14 декабря 1915 г., д. Хвоево

Унылый год, печальный для меня и для многих, а для мира — роковой. Начал его, дежуря на телеграфной станции в Кельцах, кончаю, строя железнодорожную станцию под Минском. Ничего чрезвычайного не случилось. Основная книга — «Фауст» за весь год, ею начал, ею и кончаю. Физика моя иногда просыпалась, но без успеха. Но на все наложила свою печать несчастная война, каждое движение вызвано ею, она регулятор, а я уж не я, а 1/600000 часть русской армии. Это основная кривая года, а все остальное так, вокруг нее канитель. Кроме того, говорю: понял себя, и понял — потерял в себя веру. Мне нужна особая, тепличная атмосфера, и только тогда не будет вечной пришибленности и тоски. Нет веры в себя, ни в других — вот печальный вывод несчастного года. Конечно, постараюсь передвигаться. [...]

Рисунок иконы (в подлиннике цветной)
из дневника С. И. Вавилова 9–10 июля 1915 г.

1 января 1916 г., д. Савичи

Смирненно начинаю этот год, ни надежды, ни отчаяния. Покой души, скука — отдохновение души. Переиначивать ничего не собираюсь и по-прежнему плыву по течению. Знаю, что жить не сумею, не выходит, созерцание и творчество — два для меня неизбежных слова. А в этом году все для меня

будет по-прежнему. Телеграмма — программа на весь 16-й и 17-й. Заветный порог 16-го года перейден, сейчас я в запасе, кончится война, и я свободен, — без рельс, без поддержки: между небом и землей, и вот тогда понадобится воля, а теперь только покой. Постараюсь остаться физиком, кое в чем упорядочу жизнь — вот и все. На войне останусь только честным. Жизнь по вполне определенным рельсам.

Новый год встречали самым пьяным образом в компании с зажженной елкой и водкой. С 9 утра молебн. Вот оно настроение Нового года — безволие, безудержный фатализм.

[...]

15 января 1916 г., Москва

То же самое, словно проснулся, протер глаза, вспомнил — и все пошло по-старому. Дома все застыло, и только еще мрачные тени печали и какого-то рока. Лида умерла. Никого кроме матери, бедной, тоскующей. Книги на привычном месте, по-прежнему ходят старые часы. И вот проснулся, о старом напоминают только погоны. Сразу тучи безнадежности, куда идти, надо что-нибудь начинать. Передо мной куча журналов за 1,5 года, всякие Аполлоны и пр. Как-то рука не берется. Сначала — куда идти?

[...]

26 января 1916 г.

Сейчас ведь важные минуты моей жизни. Кажется все так, ничего, война, но надо выкинуть рыбу на сушу, чтобы она узнала, что такое вода, надо опять попасть «туда», и тогда все прояснится и появится желание жить. Я сейчас стараюсь наметить рельсы, по которым надо покатить после войны. Трудно, обстановка печальная, и иногда даже проскальзывает мысль остаться на военной службе. Хожу, нащупываю. Был у Лазарева — большой человек в Мертвом переулке. Опять попал к Сухаревой Башне, но там хорошо и стариной пахнет, и милые воспоминания. Рельс мой — физика. Вот это настоящее, и «для себя» и «для других», и смерть не страшна. «Смирились вы, моей весны высокопарные мечтанья». Я мечтаю теперь только о тихом и мирном. Москва не так уж плоха, правда, в большинстве здесь «жулики и филантропы», но есть ведь старые заплесневелые антиквари, московский звон, Мертвый переулок.

[...]

25 мая 1916 г., Минск

Благодарю Бога за то, что веду дневник. Каждый день, на сон грядущий можно опомниться, умерить восторги и укротить печали. Жизнь каждого дня — хаотично разбросана на «экспериментальные точки», но вот берешь лекало и проводишь между ними, этими точками, стройную кривую, хаос точек пропадает, и становится ясно и спокойно на душе. Дневник — лекало. Впрочем, будет польза для моей будущей физики, потому и не унываю. Дежурю по управлению радиотелеграфа и мотаюсь, расшифровываю, зашифровываю.

14-1816 Луцк / 10 октября
 Безнадёжно начинаю эту маленькую книжечку. Опять зима впереди. В прошлом году зима была нужна, сейчас она лишняя и нудная.
 Частной, личной жизни у меня не было, и в конце концов Бог знает, для кого и чего живу. Ни для людей — их не люблю, ни для Бога, его не знаю, но и ни для себя. Для кого-то? Но зачем и всегда заботясь. Такая пусть и будет.
 „Шуми, шуми, послушное ветрило, Волнуйся подо мной, угрюмый океан.“
 Кому послушное? Бог знает. Зима в Луцке. Город древний и у него есть дух аристократичности, благодаря Бога за это древний город, книги, приятная работа — жить еще можно и философствовать не стоит. Не стоит задумываться о конце этой книжечки, о том, что там будет написано, все будет так же.
 Война сделала людей еще большими чудачками, чем они были раньше.

Страница из дневника 1916 г.

Для кого же? Но живу и всегда занят. Так пусть и будет.

Шуми, шуми, послушное ветрило,
 Волнуйся подо мной угрюмый океан.

Кому послушное? Бог знает.

Зима в Луцке. Город древний, и у него есть дух аристократичности, благодаря Бога за это.

Древний город, книги, приятная работа — жить еще можно и философствовать не стоит. Не стоит задумываться о конце этой книжечки, о том, что там будет написано, все будет так же.

Война сделала людей еще большими чудачками, чем они были раньше.

22 октября 1916 г., Луцк

Я совсем разучился писать. Появилась у меня очень скверная философия, все равно все пустяки и все равно придется умереть. Заглушаю ее работой, книгами. С ней надо бороться. Лазарев устроил мне золотую медаль⁵. Скверно, это ко многому обязывает. Старина, Сухарева Башня, Италия — опять

14 августа 1916 г., д. Вульнянка

Монтировал динамо, но ночью сообразил, что надо писать письма. Утром поеду в штаб 2-го гвардейского корпуса уширять шкалу приемника, уширил от 600 до 5000 [метров] и я чувствую себя победителем. Часто чиню разбитые станции Русского [?] общества. О Москве совсем забыл. У меня кавардак — с передатчиками к приемнику, и обратно.

Живу тем, чтобы совесть была чиста, жизнь интересная, и важно каждое мгновение.

1 октября 1916, Луцк

Безнадёжно начинаю эту маленькую книжечку. Опять зима впереди. В прошлом году зима была нужна, сейчас она лишняя и нудная.

Частной, личной жизни у меня не было, и в конце концов Бог знает, для кого и чего живу. Ни для людей — их не люблю, ни для Бога — его не знаю, но и ни для себя.

⁵ В 1915 г. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии присудило С. И. Вавилову Золотую медаль за работу по изучению теплового выцветания красителей.

о них вспоминаю. Красота, старина, наука, религия — общая у них тайна. Ясная красота — Пушкин и Рафаэль. [...]

25 ноября 1916 г., Луцк

Над Россией тяжелые тучи и мрачное издевательство судьбы. Хаос внутри, хаос здесь. Армия, по-видимому, забывает о войне. Солдаты роют уютные землянки, великие князья раздают медали и кресты, а солдат перестал быть солдатом, трусит и бежит. Россия как будто замерла и близка к смерти. В газетах пестрят какие-то «темные силы» — Распутин и др. Россия, Россия моя! [...]

30 ноября 1916 г., Луцк

Чудовищная весть — немцы предложили мир. Это предложение князю сделаться лакеем. [...]

С. И. Вавилов — прапорщик инженерных войск, 1916 г.

18 декабря 1916 г., Москва

Сегодня воскресенье, я целый день дома, один да мать. Не ладно. Над нашим домом рок. И все другие печали — война, хаос. Россия, физика отходят на второй план. Жалко матери, жаль отца. Они одни — в пустыне. Долг огромный. Сейчас у меня на плечах погоны, а потому жизнь проста и есть постоянное оправдание. А после мира кем я стану? ⁶ Страшно жить на свете одному, а жить надо. [...]

28 декабря 1916 г., Москва

Я писал мало, руки не поднимались. Как все это случилось? Но меня надежда не покидает. С радостью кончаю эту книжку, может быть горе и ужас пройдут с нею. Милая моя физика стала только игрушкой. Буду надеяться на победу, на то, что дому, матери будет хорошо и стану делать свое прежнее дело. Вот последнее слово. А теперь прощай старый, несчастливый дом и угрюмый конец 1916 года.

⁶ После отречения императора Николая II Временное правительство по предложению союзников направило в США группу офицеров-специалистов в разных областях техники. В их числе были: В. К. Зворыкин, И. И. Сикорский, С. П. Тимошенко. Такое же предложение было сделано и С. И. Вавилову, но он отказался.